

2011 1988

НАЧАЛО

написать нечто вроде оперы».

...ЮНЫЙ Узеир — в стенах Горькой учительской семинарии. Она готовит сельских учителей, учителей в тогдашнем смысле слова, то есть знающих и умеющих почти все, вплоть до принятия родов. Здесь проходят и религию, и науки, и искусства, и ремесла. Узеир все больше приобщается к миру европейской музыки, овладевает игрой на скрипке, виолончели. Узнает о многоголосье, поражает окружающих скорым его усвоением. Знакомится с лучшими образцами русской и западноевропейской оперы, как в самой семинарии, играя отрывки в составе ансамбля и оркестра, так и в Тифлисском оперном театре. Увлекается хоровым исполнением. «В свободные от занятий часы, — свидетельствует Али Терегулов, друг Узеира Гаджибекова по семинарии, — Узеир Гаджибеков вместе со своими товарищами в столовой исполняли хором мелодию «Шаби-хиджран». Получалось неплохо, и это занятие очень нравилось всем».

...Узеир Гаджибеков уже в Баку. Идет 1905 год. Он вовлечен в самую гущу политической и культурной, а также педагогической жизни города. Работает преподавателем в нефтяном поселке Биби-Эйбат, выступает в печати как переводчик, журналист, редактор. Но мысль о создании «нечто вроде оперы» не оставляет его. «Работу над оперой, — отметит он потом, — я начал в 1907 году, хотя идея о ней зародилась значительно раньше». В качестве музыкального материала им предполагалось использовать классические

образцы народного творчества — мугамы, теснифы, ренги. «Задачей моей, — считал Уз. Гаджибеков, — было лишь подобрать к словам поэмы Физули эту разнообразную, богатую по форме и содержанию музыку и разработать драматическую канву действия».

И началось...

Ведь правда легче пойти по тропе, чем проложить ее? И еще: каково быть первым в претворении нового? Знают все: очень и очень нелегко! Знал и Уз. Гаджибеков, постигавший эту истину в своей жизни не раз. Знал и все же пошел на это. Всем своим существом убежденный, что опера азербайджанскому народу нужна, он черпал силы в этом убеждении, и ничто, никакие препятствия не смогли остановить его. На это пошли и его товарищи — пионеры азербайджанского музыкального театра: Араблинский, Сарабский, Терегулов, Агдамский и другие.

Когда перелистываешь страницы истории создания азербайджанской национальной оперы, долго не можешь понять, каким же образом это создание состоялось? Как могли желание и воля нескольких человек перебороть и победить ополчившуюся против них громаду косности, национализма, суеверия тысяч?! Как непреодолимое оказалось преодоленным? Ведь нельзя же как-то иначе обозначить то, что пришлось пережить энтузиастам азербайджанского музыкального театра!

Из воспоминаний автора оперы: «Мы, молодежь, работали над «Лейли и Меджнун» с огромным энтузиаз-

мом. Трудностей и материальных, и творческих перед нами было так много! Ни серьезной исполнительской культуры, ни каких-либо теоретических навыков, ни даже собственной сцены мы в то время не имели».

Из воспоминаний исполнителя роли Меджнуна Гусейну Куварабского:

«Поставить на сцене первую азербайджанскую оперу было нелегко. Находилось сколько угодно «доброжелателей», которые нас пугали: «Бросьте, не беритесь за это дело, оно вам не по силам». Но мы тем не менее упорно и настойчиво подготавливали оперу к постановке...».

Перед нами стоял вопрос: как собрать оркестр, из кого составить хор? Помню, сам Узеир Гаджибеков играл первую скрипку в оркестре. Дирижировать же оперой мы пригласили драматурга Ахвердова... Бедность у нас во всем была великая. Отсутствие контрабаса в оркестре возместили бубном. Декорации набрали в русской драме. Получилась смесь всех стилей — иранского, готического и еще каного-то. То же самое с костюмами. В день спектакля с трудом собрали между собой двести рублей, чтобы уплатить за помещение. Нуждалась мы все как нищие. Особенно туго приходилось небольшой группе актеров-профессионалов, которые ради сцены шли на всякие лишения и унижения. Араблинский, например, жил в полуподвальном помещении, и нередко он сам, его мать и сестра голодали. Антрепенеры драли с нас три шкуры, а сборы были не всегда, приходилось отказывать себе в самом необходимом... К этому прибавилось еще вечное беспокойство: как бы не угодить в тюрьму... правозащитное мусульманское духовенство то и дело бегало к градоначальнику и жаловалось, что «артисты развращают нравы». Когда мы объявили в афишах, что для женщин-мусульманок имеются закрытые ложи (это было невиданным новшеством!) хулиганы, подосланные мракобесами, встретили меня в ярости и побили... Гораздо больше нас волновал вопрос: кого

найти для исполнения роли Лейли?».

Трудности следовали без конца, сопровождая энтузиастов вплоть до самого спектакля.

«Были приглашены также таристы, но помню, что у них возникли разногласия по поводу исполнения какой-то мелодии, и этот спор оказался настолько серьезным, что на первую постановку оперы никто из таристов, за исключением Курбана Примова, не явился. За два часа до начала спектакля мне пришлось спешно восполнить пробел: дописать партии для скрипок. Трудности были и во время спектакля. Выступавший в роли Лейли разносчик чая в чайхане Абдурахман Фараджев ни за что не согласился надеть женский наряд, спрятать свои усы. Будучи смертельно напуганным угрозами реакционных элементов, Фараджев хотел сбегать еще во время спектакля, а когда это ему не удалось, он спешно и бесследно исчез после его окончания, не сняв грима и не получив гонорар. После этого его не видели, даже в чайхане...».

Но... Начало все же было положено. Это случилось 25 января 1908 года. Еще за несколько дней до спектакля все билеты были проданы. Зал был набит битком. Люди присутствовали при рождении национальной оперы...

Успех превзошел все ожидания. Он буквально ошеломил и участников, и зрителей. «Он объяснялся, по моему мнению, — вспоминал позднее автор оперы, — тем, что азербайджанский народ уже ожидал появления на сцене своей азербайджанской оперы, а в «Лейли и Меджнун» сочетались подлинно народная музыка и популярный классический сюжет. В значительной мере опера обязана была своим успехом прекрасной игре артистов, в частности Сарабского, певшего партию Меджнуна».

...История мирового театра

насчитывает миллионы спектаклей. Среди них, может, лишь несколько десятков выходят за рамки собственно спектакля. Один из них — опера «Лейли и Меджнун» Уз. Гаджибекова, ставшая началом. С нее берут свой отсчет: история азербайджанской национальной оперы, история азербайджанского музыкального театра, история азербайджанского профессионального композиторского творчества, история движения музыки Востока к музыке Запада, история оперного искусства в мусульманском мире, история профессиональной композиторской музыки на Ближнем Востоке, история восхождения азербайджанской музыки на арену мирового музыкального искусства.

«Лейли и Меджнун» являлась во многом началом и для самого Гаджибекова. «Удачный опыт создания «Лейли и Меджнун», — считал он, — окончательно определил мой творческий путь». Эта опера стала первым творческим шагом первого профессионального композитора на Ближнем Востоке.

Наш народ отмечает сегодня 80-ю весну жизни гаджибековского первенца. Мы будем отмечать эту дату еще не раз, отмечать и помнить о ней всегда, ибо создание «Лейли и Меджнун» — один из светлых островков нашей памяти, от которого тянутся десятки больших и малых путей к триумфу азербайджанской музыки.

Н. АБУДУЛЛАЕВ,
старший научный сотрудник мемориального Дома-музея Узеира Гаджибекова.

Так начиналась и опера в Азербайджане, начиналась с «Лейли и Меджнун» Узеира Гаджибекова — произведения, ознаменовавшего собой начало новой эпохи в многовековой истории азербайджанской музыкальной культуры — эпохи профессионального композиторского творчества. Как и все жизнестойкое, национальная опера выходила на свет в условиях предельного напряжения сил, пережив все муки рождения.

свои роли посредством пения, соответственно определенному мугаму, как это имеет место в ораториях».

Другим необходимым субъективным фактором, знаем мы, явилось рождение автора будущей национальной оперы — Узеира Гаджибекова. «Первоначальное музыкальное образование, — был уверен Уз. Гаджибеков, — получил в Шуше, будучи окруженным лучшими певцами и таристами, которым очень нравился мой голос и от которых я научился искусству петь и мугамы, и теснифы».

Узеира влечет к себе театр. Судьбе было угодно распорядиться так, что в 1897 — 1898 годах, по воспоминанию композитора, он, 13-летним мальчиком, впервые увидел в родном городе Шуше на любительском спектакле сцену: Меджнун на могиле Лейли. «Картина эта так глубоко взволновала меня, — признавался позже Уз. Гаджибеков, — что через несколько лет, приехав в Баку, я решил

го блистательного пути. «Восточная музыка, — виделось Уз. Гаджибекову, — наряду с европейской, займет, наконец, то почетное место, которого она достойна, и явится одним из могущественных факторов, способствующих развитию всего человечества».

Это все, однако, лишь об-
ективная историческая необходимость. Свой путь к реальности — созданию азербайджанской оперы — она пробивала через долгую цепь фактов, событий, явлений.

...Одним из первостепенных факторов в создании национальной оперы следует считать «Шебех», — указывал Уз. Гаджибеков. Представление «Шебех», пояснил он, — являет собой разновидность религиозного спектакля, подобно тому, который на Западе именуется «оратория». В «Шебех» освещаются, изображаются события (эпизоды), взятые из истории Кербалы. Участники такого спектакля исполняют

...И природа, и жизнь, и мышление доказывают: начало всегда трудно. Вызревая в слаженном организме старого, появляясь на поверхность во всеильном его окружении, не приметные с виду ростки пробиваются через толщу незбылемого, пытающегося подавить их. Росток обращается вскоре стройным деревцем, распускается со временем ввысь, вширь, вглубь, становясь могучим многоветвистым древом...

...СВОЕОБРАЗНАЯ ситуация сложилась в азербайджанской музыке к концу XIX столетия. При наличии высочайшего уровня развития народной музыки и профессиональной музыки устной традиции — полное отсутствие музыки — продукта профессионального композиторского творчества. Причины такого своеобразия своими корнями уходят в историческую судьбу народа, в природу и характер его музыкальной стилистики.

Появление первой национальной оперы — «Лейли и Меджнун» можно считать началом азербайджанского профессионального творчества, определившего дальнейшую судьбу азербайджанской музыки, которая за ничтожно короткий исторический период — всего несколько десятилетий — вырвалась из словно застывшего русла восточной традиции на простор мировой музыкальной культуры. Это было заветнейшей мечтой человека, осуществившего трудное начало это-